

О. И. Вихрева

**Грамматики А. А. Барсова, Н. И. Греча и А. Х. Востокова
как источники изучения морфологических категорий имени существительного**

Работа посвящена анализу грамматических особенностей имени существительного в русском литературном языке конца XVIII – первой половины XIX века, проведенному на материале грамматик А. А. Барсова, Н. И. Греча и А. Х. Востокова. В статье даны определения существительного как части речи, раскрыты морфологические категории имени в сравнении с особенностями грамматической системы современного русского языка.

Ключевые слова: собственные, нарицательные существительные, лексико-грамматические разряды, категория одушевленности – неодушевленности, род, число, падеж, склонение.

O. I. Vikhreva

**A. A. Barsov, N. I. Grech and A. H. Vostokov's Grammar
as Sources of Studying Morphological Categories of the Noun**

This work analyzes the grammatical features of the noun in the Russian literary language of the late XVIII – early XIX century. The study focuses on the material grammars by A. A. Barsov, N. I. Grech and A. H. Vostokov. The article defines the noun as part of speech, reveals morphological categories of the noun in comparison with the peculiarities of the grammatical system of modern Russian.

Keywords: proper, common nouns, lexical and grammatical categories, a category of animateness – inanimateness, a gender, number, a case, declination.

В конце XVIII – первой половине XIX века происходило становление и оформление грамматической системы русского языка, особенно активно исследовались морфология и синтаксис. Глубокому изучению языковых явлений и систематическому описанию грамматики в то время посвятили свои труды лингвисты А. А. Барсов, Н. И. Греч и А. Х. Востоков. В рамках статьи охарактеризуем морфологические категории имени существительного в «Российской грамматике» А. А. Барсова (1783–1785 гг.), «Практической русской грамматике» Н. И. Греча (1827 г.) и «Русской грамматике» А. Х. Востокова (1831 г.).

Прежде чем перейти к рассмотрению грамматических категорий имени существительного, отметим особенности терминологии А. А. Барсова, Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Во-первых, ряд определений авторов расходится с современной терминологией: одни термины изменили свою форму или значение, другие вышли из употребления. Во-вторых, почти все термины в «Российской грамматике» Барсова (РГБ) приводятся вместе с латинскими параллелями, как это было принято ранее, поскольку лекции читались на латинском языке. Барсов первым стал читать их в Московском университете на русском.

Обратимся непосредственно к именам существительным в трактовке Барсова, Греча и Востокова. В параграфе «Российской грамматики» «О имени» А. А. Барсов дает определение этой части речи: «Имя есть часть речи изменяемая показывающая вещь самую или качество вещи» [4, с. 94]. Главная особенность имени в грамматике А. А. Барсова состоит в том, что оно включает в себе и существительное, и прилагательное. В РГБ эти части речи тесно взаимосвязаны, поэтому представлены пять типов склонения имени, причем пятый является типом склонения прилагательных.

В главе «Русской грамматики» Востокова (РГВ) «Об имени существительном» дано достаточно широкое определение этой части речи: «Существительное имя есть *название* всякого *предмета* видимого или в уме представляемого» [5, с. 10].

В «Практической грамматике» Греча (ПГ) именем существительным называется часть речи, которой «означается какой либо **предмет**, или **существо**; например, слова: *домъ, дерево, вода, воздухъ, душа*» [2, с. 20]. По представленным определениям данной части речи можно судить о том, что лингвисты, характеризуя существитель-

ное, обращаются к внутренней форме этого термина.

В первой половине XIX века представление об имени отличается от существовавшего в конце XVIII века. Большой заслугой Н. И. Греча и А. Х. Востокова стало то, что они вычленили (первым это сделал Греч) из имени собственно имя существительное и имя прилагательное. Кроме того, представленные в их грамматиках определения позволяют, с точки зрения современной лингвистической теории, вычленить категориальное значение предметности. В грамматике Барсова выделение имени, включавшего в себя и существительное, и прилагательное, затрудняло эту задачу, поскольку совмещало в себе значения и предметности, и признаковости.

А. А. Барсов рассматривает так называемые *принадлежности* (*accidentia*) имен существительных: *вид, начертание, род, число и изменение*. Под «принадлежностями» следует понимать морфологические категории, а «изменение» в современной терминологии означает склонение. *Вид*, по терминологии Барсова, означает образование имен. Детальное рассмотрение категории имени Барсов начинает с разделения существительных на собственные и нарицательные. «Собственные имена (*nomina propria*) суть те кои означают одно лице, или одну вещь, для различения оной от всех того ж рода вещей на пр. *Иванъ, анна, Петръ, Москва, Нева, Россія*» [4, с. 95]. «Общие или нарицательные имена (*nomina appellativa*) суть те, которые всякое лицо или вещь имеет общее со всеми другими того ж роду. напр. *человѣкъ, Государь, женщина, городъ, рѣка*» [4, с. 95]. Среди нарицательных Барсов особо выделяет собирательные существительные (*nomina collectiva*), которые «заклучают в себе многие лица или вещи (*народъ, войско, полкъ, соборъ* (в знач. *собрание людей*), *орда*)» [4, с. 95]. Таким образом, в РГБ представлен первый опыт распределения существительных на лексико-грамматические разряды.

Интересны характеристики разрядов существительных, данные в «Практической грамматике» и «Русской грамматике». Как писал Греч, «предметы наших мыслей, или существа» бывают *чувственные, умственные и отвлеченные* [2, с. 24]. Под «чувственными» предметами Греч понимал «существа, подлежащие которому нибудь из наших чувств; например: *птица, камень, молнія, вѣтеръ*» [2, с. 24]. Данный класс существительных подразделяется, в свою очередь, на одушевленные, «имеющие способность чувство-

вать, и произвольно перемещать свое место; например: *человѣкъ, звѣрь, червь*», и неодушевленные, «не имеющие чувствования, и не перемещающие произвольно своего места; например: *вода, домъ*» [2, с. 24]. Под «умственными» предметами в грамматике Греча понимаются «существа, которые мы объемлем только внутренним чувством или представляем себе в уме; например: *душа, часъ, время*» [2, с. 24]. Отталкиваясь от данных определений, следует отметить особый подход Греча к толкованию разрядов существительных. Критерием разграничения одушевленных и неодушевленных существительных признается способность воспринимать или не воспринимать какой-либо предмет органами чувств. Подобным образом противопоставляются так называемые чувственные и умственные предметы: первые познаются через ощущения, вторые – через представления, или умозаключения. Таким образом, Греч представил логико-семантическое толкование лексико-грамматических разрядов.

В современном русском языке в основе семантики категории одушевленности / неодушевленности лежит противопоставление: «живое / неживое» в его достаточно наивном и примитивном толковании, не всегда совпадающем с научным пониманием живого и неживого [7, с. 36]. А. А. Барсов в «Русской грамматике» не характеризовал отдельно данную категорию, но писал о различии одушевленных и неодушевленных существительных в связи с вариантами в системе падежных окончаний. В XVIII веке такое достаточно робкое внимание к категории одушевленности вполне объяснимо. Если начало ее развития относится к праславянской эпохе, то процесс становления – к эпохе существования древнерусского языка, а укрепление данной категории происходило уже в поздний исторический период [1, с. 272].

Имена существительные, обозначающие чувственные предметы, Греч подразделяет на собственные, «возбуждающие понятие об отдельном предмете из целого рода (*Петръ, Нева, Тверь*)», и нарицательные, «возбуждающие понятие о совокупности качеств, свойственных всем предметам одного и того же рода (*человѣкъ, рѣка, городъ*)» [2, с. 25]. В ПГ выделяются также существительные собирательные, «выражающие одним словом множество однородных предметов, совокупление их в одно целое (*народъ, полкъ, стадо*)», и вещественные, которыми обозначается какое-либо вещество или материя (*мука, масло, молоко*) [2, с.

25]. В современном русском языке существительные подразделяются на собственные или нарицательные на основе признака названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса, что и отметил в первой половине XIX века Греч.

Подобно тому как Греч выделяет *умственные* и *чувственные* существительные, Востоков подразделяет их на *видимые*, включающие в себя одушевленные (*человѣкъ, птица*) и неодушевленные (*земля, дерево*) предметы, а также *в уме представляемые*: духовные и отвлеченные. К «духовным» предметам Востоков относит ограниченный круг существительных: *Богъ, Ангель, Духъ* и т. п. Отвлеченными в его грамматике называются «качества и действия предметов видимых и духовных, представленные как бы отдельно от сих предметов существующими, например, *движеніе, слабость, добро, зло*» [5, с. 10–11]. Все существительные, а не только определенный класс, как «чувственные» предметы у Греча, Востоков делит на нарицательные (*человѣкъ, городъ, гора*) и собственные (*Александр, Москва, Волга*). Наричательные существительные в РГВ представлены *единичными*, «неделимыми, взятыми порознь» (*человѣкъ, дерево, ель*), *собирательными*, «которые придаются собранию неделимых предметов», и *сплошными* существительными, «коиими означается груда или слияние вещества делимого (плотного, сыпучего или жидкого)» (*желѣзо, дерево* (в значении «древесина»), *мука, масло*) [5, с. 11]. Под единичными следует понимать конкретные существительные, подвергающиеся счету и изменяющиеся по числам, а под сплошными – вещественные, представляющие собой недискретные величины и не изменяющиеся по числам. Заметим, что Востоков максимально приблизился к современному пониманию лексико-грамматических разрядов.

Характеризуя собирательные существительные, Востоков приводит следующие примеры: *толпа, стадо, лѣсъ, ельникъ*. Однако в современной грамматической теории существительные *толпа, стадо* близки к собирательным по значению, а по грамматическим показателям являются конкретными (изменяются по числам, сочетаются с количественными числительными) [7, с. 42]. Существительные *лес, ельник*, с позиций современного русского языка, также следует отнести к разряду конкретных. Востоков назвал их собирательными, вероятнее всего, по семан-

тической причине: лес состоит из множества деревьев, ельник – из множества елей.

Итак, грамматики Греча и Востокова подтверждают наличие в языкознании первой половины XIX века теоретического осмысления практически всех разрядов имен существительных, выделяемых в современном русском языке. В лингвистической теории конца XVIII века не были представлены отдельные лексико-грамматические разряды существительных, что отражено в грамматике Барсова.

Характеризуя категорию рода имен, А. А. Барсов выделяет существительные мужского, женского, среднего и общего родов. Но в самом распределении существительных по родам наблюдаются некоторые расхождения с современным распределением. Так, в современной лингвистической теории существительные, не имеющие форм единственного числа, или *pluralia tantum*, находятся вне категории рода. У Барсова же такие существительные, как *вилы, сани, санки, сѣни, ножницы, ясли, латы, Афины* и др., относятся к женскому роду, *уста, ворота* – к среднему, а существительные *люди, свящцы* – к мужскому. В древнерусском языке имена также имели три рода: мужской, женский, средний, кроме того, выделялись существительные общего рода, как и в современном русском.

Для определения принадлежности имен существительных к одному из родов Н. И. Греч и А. Х. Востоков в своих грамматиках предлагают руководствоваться двумя правилами. Востоков писал, что род определяется у одушевленных предметов по значению этих имен, а у неодушевленных и отвлеченных – по окончаниям. В грамматике Греча, согласно первому правилу, «все имена, означающие предметы одушевленные пола мужского, суть мужского рода (*мужъ, герой, Царь, дядя, подмастерье*); все имена, означающие предметы одушевленные пола женского, суть женского рода (*жена, няня, дочь, Елисаветъ, Кліо*)» [2, с. 26]. Таким образом, авторы грамматик акцентируют внимание на том, что категория рода одушевленных существительных – названий лиц имеет свою семантическую характеристику: слова мужского рода называют существа мужского пола, слова женского рода – существа женского пола. Второе правило Греча гласит: «род всех прочих имен существительных определяется их окончанием» [2, с. 26]. Так, существительные, оканчивающиеся на *-ъ, ѣ, ь*, относятся к мужскому роду (*домъ, рай, червь*); на *-о, е* – к среднему роду (*село, поле*); на *-а, я* – к

женскому (*книга, доля*). Греч отмечает, что на *-ь* могут оканчиваться существительные мужского и женского родов (*ночь, Царь, Русь*) [2, с. 26].

Существительные типа *имя, время* все грамматисты относили к среднему роду, как и в современном русском языке. К существительным общего рода Барсов отнес слова *пустомеля, пьяница* и др. Греч в «Практической грамматике» дал определение таких существительных: «общего рода суть имена, коими означает человек с каким-либо качеством, и которые, имея общее именам муж. и жен. рода окончание (на *-а* и *-я*), употребляются в обоих родах; например: *бродяга, брюзга, ворожея, нѣженка*» [2, с. 31]. Востоков, дополняя теоретические положения грамматистов-предшественников, привел целый список существительных общего рода, расположенных в алфавитном порядке, и отметил, что некоторые из них относятся к просторечным выражениям (*блудня, забулдыга, неумывка, писака, тараторка*), а существительные, оканчивающиеся на *-ийца, -дца*, заимствованы из церковнославянского языка (*виноийца, кровоийца, отцеубийца, чадоубийца*) [5, с. 17].

В целом трактовка категорий рода и числа имен существительных, отраженная в грамматиках, во многом соотносима с современной. Но здесь важно отметить, что Барсов представил существительные, прилагательные и местоимения во множественном числе с указанием родовой принадлежности, например: *не плоды, великіе, они* – м. р. [4, с. 92]. В древнерусском языке универсальность этой категории проявлялась в том, что каждое существительное сохраняло определенную родовую принадлежность во всех своих формах.

В русском языке у существительных категория рода несловоизменяемая, тогда как у других частей речи (прилагательных, местоимений, числительных и глагольных форм) род зависит от рода определяемого слова. Показателен тот факт, что словоизменяемые и несловоизменяемые категории имени существительного в первой половине XIX века были отмечены Востоковым, который подразумевал под первыми число и падеж, как и в современной грамматической теории, а под вторыми – род и *представление* (в современной теории несловоизменяемые – род и одушевленность/неодушевленность). Под *представлением* Востоков понимал в буквальном смысле то, что существительные могут быть представлены разными производными формами, а именно: увеличительными (*мужикъ – мужи-*

чище, рука – ручища), уменьшительными (*столь – столикъ, солнце – солнышко*), ласкательными (*мужъ – муженекъ, дитя – дитятко*), уничижительными (*домъ – домишко, сила – силишка*) [5, с. 18–19]. С точки зрения современного русского языка в данном случае можно говорить о словообразовательных моделях с оценочными суффиксами, придающими слову различные смысловые и эмоциональные оттенки. Но пока словообразование как самостоятельный раздел не был выделен, в грамматиках XVIII – первой половины XIX века такие комментарии представлены разрозненно.

Следует отметить особенности склонения имени существительного («изменения» в трактовке Барсова) в исследуемых грамматиках. Барсов указывает, что имя существительное изменяется, «когда соединится с другими словами некоторой отмены в нем требующими. Напр. *Парень растетъ, платье парня становится парню узко, надобно парня переодѣть, съ парнемъ посидѣть, о парнѣ сказать. Парень поди сюда, Боже услыши, о Господи! Парни растутъ, надобно парней учить, парни сюда!»* [4, с. 100]. Как видим, Барсов приводит яркий пример того, как одно и то же слово может быть представлено в разных падежах. В САР термин «склонение» определяется как «образ изменения окончания имен через падежи» [6, с. 171]. Отметим, что в ПГ склонением называется «изменение одного для означения числа и падежа» [2, с. 51]. Таким образом, Греч дополняет толкование, сделанное Барсовым, и в то же время следует за определением САР. Определение склонения в «Русской грамматике» Востокова (изменение по числам и падежам) совпадает с современным.

Автор «Российской грамматики» выделяет пять типов склонения: четыре для существительных и пятый – для прилагательных. «При каждом из них примечать надлежит *род (genus), число (numerus) и падежи (casus)*» [4, с. 100]. Для определения склонения существительного Барсов предложил сравнивать родительный падеж ед. ч. существительного с именительным. В соответствии с этим выделяются первое (*воевода – воеводы; княгиня – княгини*); второе (*соколя – сокола; вепрь – вепря*); третье (*время – времена; дитя – дитяти*); четвертое (*лошадь – лошади*) типы склонения имен существительных [4, с. 102].

В грамматиках Барсова, Греча и Востокова представлено семь падежей, которые определяются падежными вопросами, так как еще используются формы звательного падежа, перешедшие

в русский из древнерусского языка. В отличие от «Российской грамматики», в «Практической грамматике» Греча представлены значения всех падежей, соответствия которым обнаруживаются в РГ-80. В «Русской грамматике» Востокова даны падежные вопросы практически без указания значений падежей, однако детально рассмотрены сходство и различие именительного и звательного, родительного и винительного падежей.

В истории русского языка от многотипности склонения, восходящей к общеиндоевропейской эпохе, от большого разнообразия падежных окончаний в единственном и множественном числе, от различия твердой и мягкой разновидностей склонения система имени существительного шла по пути унификации падежных окончаний и типов склонения, что непосредственно отражено в исследуемых нами грамматиках. Так, от шести древних типов склонения имен существительных к концу XVIII века осталось четыре, что и показано Барсовым. В «Практической русской грамматике» Греча, а следовательно, и в языковой системе начала XIX века, представлены три типа склонения: в первое склонение попадают существительные муж. рода, оканчивающиеся в ед. ч. Им. п. на *-ъ, -й, -ь*, в Р. п. – на *-а, -я, -я* (*воин – воина, герой – героя*); ко второму относятся существительные ср. рода, оканчивающиеся в ед. ч. Им. п. на *-о, -е, -мя*, в Р. п. – на *-а, -я, -мени* (*зеркало – зеркала, море – моря, время – времени*); к третьему – существительные жен. рода, оканчивающиеся в ед. ч. Им. п. на *-а, -я, -ь*, в Р. п. – на *-ы, -и, -и* (*труба – трубы, дыня – дыни, новость – новости*) [2, с. 65–67].

Востоков, систематизировав и обобщив накопленные к тому времени данные, составил таблицу склонений и отразил в ней варианты окончаний существительных, относящихся к первому и второму склонениям.

В соответствии с грамматикой Востокова имена существительные подразделяются на *правильные* и *неправильные*, или разносклоняемые. Так называемые правильные существительные, представленные в Им. п. ед. ч. пятнадцатью различными окончаниями, разделяются на первое склонение (существительные, которые в Р. п. оканчиваются на *-а, -я*, в Д. п. – на *-у, -ю*, Тв. п. – *-омь, -емь*) и второе (существительные, которые в Р. п. оканчиваются на *-ы, -и*, в Д. п. – на *-ѣ, -и*, Тв. п. – *-ою, -ею, -ью*) [5, с. 24–25].

Согласно РГ-80, существительные подразделяются на известные нам три типа склонения, различающиеся системами падежных флексий.

Отнесение имен существительных к тому или иному склонению в XIX веке несколько отличается от современного их распределения, но в целом уже в тот исторический период развития лингвистической теории виден большой шаг вперед в отношении изучения системы склонения в целом.

Итак, в грамматиках А. А. Барсова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова получили развитие многие теоретические вопросы, связанные с описанием морфологических категорий имени существительного. Уточнено определение этой части речи, выделены лексико-грамматические разряды существительных, во многом близкие к современным трактовкам, детально описано склонение существительных, грамматистами XIX века углублена характеристика одушевленности – неодушевленности.

Таким образом, на протяжении развития русского языка происходили различные изменения, связанные с выражением грамматических категорий имени существительного, постепенно ведущие к установлению тех форм, какие наблюдаются в современном русском языке.

Примечания

1. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка [Текст] : учебник для студентов пед. институтов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. В. Иванов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.
2. ПГ – Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем [Текст]. – 2-е изд., испр. – СПб. : Тип. издателя, 1834. – 526 с., 3 л. табл.
3. РГ-80 – Русская грамматика [Текст] : в 2 т. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, В. В. Иванов и др. ; под ред. Н. Ю. Шведовой, Академия Наук СССР, Институт Русского языка. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
4. РГБ – «Российская грамматика» А. А. Барсова [Текст] / под ред. Б. А. Успенского. – М. : Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.
5. РГВ – Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная [Текст]. – 2-е изд. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1835. – 416 с., 3 л. табл.
6. САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст] : в 6 ч. Ч. 6: С – Я. – СПб., 1822.
7. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст] : учебник для студентов высших учебных заведений : в 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия, 2001. – 704 с.